

Анн Бренон

КАТАРИЗМ И ОТКАЗ ОТ ТЕЛЕСНОСТИ: ПРОБЛЕМА-ЛОВУШКА?

перевод с франц. Натальи Дульневой

Рогир ван дер Вейден, Страшный Суд

На первый взгляд все очевидно: средневековая Римская Церковь уничтожила ересь катаров, благодаря военной поддержке короля Франции и действиям полицейского религиозного трибунала, называемого Инквизицией. Этого достаточно, чтобы понять, что в будущее проникло видение победителей. Этот «официальный» имидж катаров, до сих пор еще распространенный, является по сути своей негативным. Дело представляется таким образом, что это был единственно возможный ответ, каким бы суровым он ни был, перед лицом реальной и внезапной опасности, которую Церковь традиционно, в своей «праведной битве» против ереси, описывала как гидру, угрожающую единству христианства, и даже будущему обществу. Еретики-катары, определяемые как опасные манихейцы, чуждые нашим европейским традициям, получили еще более тяжкие обвинения – как последний желтый крест бесчестья, нашитый на их бедные одеяния – обвинения к ненависти к миру и жизни, поскольку они, запрещая всякое воспроизводство, обрекли бы человечество на мрачный исход.

Но История, опираясь на критическое изучение средневековых документов, частичный анализ которых и привел к образованию такого «официального» видения, теперь пересматривается. Сегодня благодаря многочисленным публикациям, доступ к источникам облегчен; наряду с антикатарскими Суммами средневековых доминиканцев, обычно используемых историками, существует некоторое количество оригинальных катарских писаний, позволяющих проникнуть в самое сердце этой неримской, но исключительно христианской теологии, а комплекс архивов Южной Инквизиции открывает нам реалии еретического общества. Наконец, вопрос к принадлежности еретиков к христианскому средневековому универсуму больше не стоит – историки по этому поводу пришли к согласию. Однако, этого не произошло в области исторической оценки данного феномена, и особенно его возможного социологического влияния или его опасного характера.

И в самом деле, были ли они врагами мира и жизни, катары? Попробуем набросать здесь ответ на этот вопрос, исходя из текстов и исторической перспективы, анализируя априори избитую тему об абсолютном катарском целомудрии.

Ангельская атмосфера

Прежде всего, отметим, что катаризм исторически выкристаллизовался в период XI-XII веков, когда романская духовность была глубоко проникнута ангельской атмосферой. Страстный отказ от телесности виден на капителях

монастырей, где женщина представлена как Ева, похотливая соблазнительница, влекущая мужчину в когти зла. В то время монашество провозгласило абсолютное верховенство девственников, которые даже стояли выше целомудренных на лестнице добродетелей, Клунийский орден представлял себя в этом мире в виде белых небесных когорт, противостоящих черным легионам дьявола. В то же самое время папство Грегорианской реформы, положив теократическую руку на христианство, стало вмешиваться в область сексуальности. В общем порыве отвращения к телесности, брак был отныне запрещен священникам и попам; однако, Церковь при этом попыталась отвести в область христианского брака, подняв социальную практику до уровня божественного таинства, сладострастие и похоть мирян, предлагая женщине образец жизни девы Марии, идеал супруги, противостоящий образу грешницы Евы. Был кодифицирован целый корпус Пенитенциалий, чтобы регламентировать матримониальную христианскую сексуальность, признав ее в качестве меньшего зла, со строгой целью воспроизводства.

Те, кого обличали как еретиков, и кто страстно требовал возвращения к Евангелию и образу жизни апостолов, не последовали за грегорианскими реформаторами в области сакрализации брака. Проповедуя монашеский отказ от телесности, они не ограничивались демонизацией женского тела: в своей вдохновенности ангельским чином *vita apostolica*, они не сваливали вину на одних женщин. В их диссидентских общинах были духовные и светские лица, но также мужчины и женщины – женщин они рассматривали, по удачному выражению Жоржа Дюби (в книге «Рыцарь, женщина и священник»), как «утопических сестер». Что касается катаров середины XII века, то здесь мы встречаем более четкое определение женских целомудренных союзов в рядах ереси: среди этих «апостолов Сатаны» есть и женщины, целомудренные, как они претендуют, вдовы, девицы или их жены...» (Письмо Эвервина де Стейнфельда Бернару из Клерво, 1143).

Мазаччо Изгнание Адама и Евы из Рая

Ригористические монашеские обеты

Еретические ритуалы и инквизиторские архивы в равной степени демонстрируют, что то, что сегодня называется катаризмом, было не просто движением сопротивления Римской Церкви во имя евангельских идеалов, но чем-то вроде Контр-Церкви, структурированной вокруг епископской иерархии, независимой от Рима, по образцу ранних Церквей – и претендующей на звание истинной Церкви Христа и апостолов. Эта Церковь состояла из клира монахинь и монахов, Христиан и Христианок, а их верные уважительно называли их Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами. Именно этих духовных лиц Римская Церковь обзывала «еретиками-катарами» или «совершенными».

Во время вступления в посвященную жизнь в катарские ордена, принимая посвящение таинства *consolament* – или «святое крещение Иисуса Христа» Святым Духом и возложением рук епископа – монахи и монахини «отдавались Богу и Евангелию». Они давали монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания, общинной жизни и произнесения ритуальных молитв. Таким образом, в катарском клире следует видеть собрание монашеских общин, к монашескому чину которых прибавлялись функции священнического чина, поскольку они жили без затвора и были наделены миссией проповедовать и властью отпускать грехи.

Целомудрие монахов, называемых катарами, ничем не отличалось от целомудрия других монахов того времени – бенедиктинцев, цистерцианцев или фонтевристов. Всё указывает на то, что этот обет целомудрия исполняли особенно ригористично. Добрых Людей часто определяли как «тех, кто не прикасается к женщинам». Во время религиозных церемоний, во избежание любого контакта между полами, поцелуй мира между Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами, а также женщинами-верующими совершался через посредничество книги Евангелия, которую клали на плечо. Чтобы избежать искушения, Добрые Мужчины и Добрые Женщины даже старались не садиться на одну лавку с представителями противоположного пола. Во времена свободы культа, то есть перед крестовым походом против альбигойцев (1209-1229) и инквизиторской травлей (начиная с 1233 года), женские общинные дома, по-видимому, играли роль странноприимных дворов: но только верующие женщины допускались за стол Добрых Женщин; верующие мужчины в основном сидели за отдельным столом, где получали благословенный Добрыми Женщинами хлеб.

Нарушение обета целомудрия является одним из чрезвычайно тяжелых грехов, приводящих к аннулированию посвящения согрешившего монаха, который должен принять повторное утешение, то есть, пройти новый испытательный период и вновь принять *consolament*. А если подобный грех случался с епископом, то ситуация становилась особенно трагической, потому что его падение могло обесценить посвящения, которые он уделял. Слухи такого рода постоянно беспокоили итальянские катарские Церкви, приведя в конце XII века к расколу Церкви Ломбардии, епископа которой «видели с женщиной».

После столетия инквизиторских преследований, еще в начале XIV столетия, в Ларнате, деревне высокогорного Арьежа, мы видим, как Добрый Человек Пейре Отье рекомендует молодому верующему Раймонду Изаура ни в коем случае не дотрагиваться до голой кожи умирающей, которую он несет на руках к ней домой, после того, как она получила *consolament*, обеспечивающий ее счастливый конец, и стала Доброй Христианкой. Контакт с рукой молодого человека мог иметь следствием нарушение обета целомудрия больной и негативно повлиять на спасение ее души.

Считается, что исключительная жесткость катарских обетов могла представлять практические трудности во времена подполья. Однако, архивы Инквизиции дают нам возможность наблюдать, в 1240-х гг., очень парадоксальные ситуации: например, Доброй Женщины, живущей вместе с ритуальной компаньонкой в доме своего мужа, которого она **покинула** ради Бога; или двух экс-супругов, становящихся одновременно Добрым Мужчиной и Доброй Женщиной и уходящих в разные религиозные дома, а затем сходящихся обратно в результате преследований, и скрывающихся в недрах Лаурагэ в одних и тех же убежищах, овинах и летниках, когда бывший муж защищает бывшую жену. Разумеется, ничто не позволяет нам ставить под сомнение строгое соблюдение ими обета целомудрия. Возможно, прошлые телесные связи перерастали в братство душ. Мы угадываем подобные надежды в случае с Пейре Отье, славным нотариусом из Акса, оставившим всё одним прекрасным днем 1297 года, чтобы отдаться запрещенной Церкви, и желавшим, чтобы его бывшая возлюбленная, Монета, его телесная подруга, подарившая ему двух детей любви, последовала за ним в его опасном и требующем полной отдачи обращении. Но этого, по-видимому, произошло.

И последний образ. Однажды в Монтайю, около 1305 года, Добрый Человек подполья, Гийом, брат Пейре Отье, встречается с Гайлардой Бенет, своей бывшей женой – которую он оставил несколько лет назад, чтобы отдаться ереси. Они встречаются в доме, ненадежном убежище от инквизиторской травли, в «окситанской деревне». Верующие собрались вокруг очага. Гийом сидит на сундуке, а рядом с ним, на лавке, Гайларда, которая была его женой. Они не

прикасаются друг к другу, но тихо разговаривают. Добрый Человек спрашивает новости о Пейре и Арноте, двух детях, которых он оставил на попечение матери...

Граждане Царствия Небесного

Но теперь настало время глубже проникнуть в катаризм, послушать проповеди самих Добрых Людей, эхо которых, парадоксальным образом сохранилось в архивах Инквизиции XIII и особенно XIV столетий.

Для Добрых Людей всякая плоть является греховной - а не прежде всего плоть женщины, как считали монахи эпохи Тысячелетия. Тела - это телесные тюрьмы, сформированные лукавым из глины "земли забвенья", чтобы отобрать силу у душ, "благих и равных между собою", ангелов Божьих, падших из Царствия Небесного в этот мир, князем которого есть Сатана... И в этих телах, "только дьявол создал разницу между полами". Это не Бог создал разных людей, мужчин и женщин, чтобы они должны были соединяться телесно. Светлым творением Божьим было Царствие и его ангельские создания. Имеющие ангельский пол, или даже бесполое...

Часть ангелов пала из Царствия Отца Небесного, соблазненная или увлеченная дьяволом - древней змеей Апокалипсиса. Падение ангелов и предсуществование душ несет в себе привкус оригенизма, становления мифа о Люцифере и кристаллизации образа дьявола. Человеческие души - это ангелы Божьи, заключенные в телах этого мира, преходящих творениях зла. Бог не имеет ничего общего с этим временным миром, где вечные души, Его дети, спят в забвении небесной родины. Церковь Добрых Христиан, которой Сын Божий дал власть связывать и развязывать, старалась избавить их - «но избави нас от зла» - через схождение Святого Духа, Духа-Утешителя их крещения, *consolament*.

«Меня не заботит, что станет с моим телом, - говорил Гийом Белибаст на дороге, ведущей на костер, - ибо мне нет ничего в нем: оно принадлежит другому. И сам Отец Небесный не нуждается в моем теле, Он не желал бы видеть его в Своем Царствии, ибо тело человека слишком зависит от князя мира сего, который его создал...» (Реестр Инквизиции Жака Фурнье)

Но последний Добрый Человек объяснял дальше:

«Он добавил, что Отец Небесный не имеет ничего в этом мире, за исключением духов, которых дьявол когда-то заставил пасть с неба... И, говорил он, Отец Небесный не производит ничего в этом мире, не из-за Него все цветет, наливается зерном, зачинает, рождается в мир, возникает зародыш...» (In *ibid*)

Бог не имеет никакого отношения к судорогам, объятиям и воспроизведению тел, благодаря которым князь мира сего все улавливает и улавливает души во времени. Само собой разумеется, что и телесный акт тоже от князя мира сего. Понятно, что Добрые Люди отказывались его сакрализовать, повторяя неустанно в своих проповедях, что таинство брака, придавая сексуальности божественное происхождение является по сути своей богохульством: в супружеской постели или вне брака - грех один и тот же. Не более и не менее.

Можно различить в огромной ностальгии катаров по небесной родине мечту о Царствии немеркнувшего света, где его творения, наконец, вновь обретя божественное бытие, вечно пребывают в своей полноте, не подвергаясь разрыву репродукции. В радости Царствия души будут резвиться, как ягнята на лугу, в единении любви более полной, чем между братьями по крови, но также в ясном покое вечной природы, которой неведома репродукция:

«Когда всё творение Бога-Отца, то есть все духи, соберется подле Него (в Царствии), злаки будут прорасти, расти и цвести, но не давать зерна; виноградники будут в побегах, но без плодов; деревья будут покрыты цветами и листьями, но не плодоносить...» (Гийом Белибаст, Реестр Жака Фурнье)

Это хорошо заметное очарование жизнью (вечной) без воспроизводства специфически отражается в катарском искусстве. Мы можем применить этот термин без страха: если катары не строили и не лепили ничего характерного для них, если они не поклонялись ни распятию, ни голубке, ни дарохранительницам, ни статуе Девы, то переписывали множество экземпляров Библий. До нас, правда, дошел единственный экземпляр (Рук РА 36 Лионской муниципальной библиотеки), написанный на окситан в середине XIII века, чудесно иллюстрирован. Но, что важно, там нет ни одного изображения материальных творений: ни птицы, ни листья, ни цветы не украшают поля и заглавные буквы, как это часто было с латинскими Библиями XIII века. Катарское искусство является геометрическим и абстрактным, а не

фигуративным. Нет ни наименьшего растительного завитка. Однако, два живых существа избежали этого правила: лилия на полях; и рыба, используемая, к тому же, как украшение для двух заглавных букв.

Легко распознать в рыбе раннехристианский символ Христа. Но заметим, что во времена катаров считалось, что рыба рождается из воды, без спаривания; с той же самой точки зрения, лилия, и особенно знаменитые лилии полевые Нового Завета, символизировали чистоту несексуального рождения. Средневековые миниатюры часто изображают в сценах Благовещения архангела Гавриила с такой лилией в руке. С этой перспективы можно допустить, что катарский спиритуализм включал образы рыбы и лилии как достойные украшать божественный текст Писаний.

Целомудрие катаров превосходит христианские концепции их времени мечтой о Царствии и вечной жизни без проблем пола и разорванности. Где христиане, избавленные от зла и судорог этого мира, вернут себе тела света, утраченные ими после падения. Ведь уже в этом мире, Добрые Мужчины и Добрые Женщины, "храмы Святого Духа" в абсолютном целомудрии, идут впереди как светлый народ Царствия.

Конечно, это стремление очень напоминает то, что вдохновляло монахов эпохи Тысячелетия из Флори, Клюни или Монтекассино. Но в отличие от бенедиктинцев, клюнийцев и цистерцианцев, катарские монахи не придавали никакого особого значения посвященным девственникам. А на практике, их отказ от совокупления и продолжения рода касался только христиан, которые и так зачастую исполнили уже свой долг в этой области...

Жители Каркассона, изгоняемые из города. Иллюстрация к "Великим Хроникам Франции"

Небольшая социология катарской сексуальности

На практике, в отличие от монахов и монахинь Римских орденов, желавших жить в целомудрии, и которые в подавляющем большинстве уходили из мира молодыми юношами и девушками, посвященными девственниками, изначально самоудаляясь из сферы репродукции, катарские монахи чаще всего имели за плечами прожитую жизнь. Добрые Мужчины и Добрые Женщины, как правило, были людьми почтенного возраста, вдовами или вдовцами, или же бывшими супругами, сознательно расторгшими супружеские узы, когда, достигнув того периода своей жизни, когда многочисленные дети уже выросли и даже женились, они задумывались о том, чтобы посвятить последние годы своей жизни спасению души.

Или же, безутешные от любовной печали, как дама трубадура Раймонда Жордана де Сен-Антонен, которая, узнав, что ее любовник умер, от отчаяния «*se rendet en l'orden dels eretge*» («отдалась ордену еретиков». *Vidas* трубадуров). Конечно, были случаи, когда молодые Добрые Мужчины не выдерживали слишком героического целомудрия, и должны были совершать покаяние перед повторным утешением, а слишком юные Добрые Женщины возвращались в мир, чтобы выйти замуж и завести детей. Но огромное количество катарских монахов приносило обет целомудрия только в том возрасте, когда желания уже угасали, и в полном сознании того, от чего они отказываются.

Этих простых фактов из социологии катарских общин, доступных нам благодаря архивам Инквизиции, вполне достаточно, чтобы подвергнуть сомнению недоброжелательные обвинения в сторону катаризма, как угрозы европейской средневековой демографии – обвинения, оправдывающие, таким образом, его уничтожение. Эта реальность особо различима во времена «золотого века» - перед крестовым походом 1209-1229 годов: в те времена распространение катарского христианства в основном осуществлялось благодаря целой армии матерей и бабушек – властительниц дум своих детей и внуков, Добрых Женщин, принадлежавших к хорошему обществу, как Бланша де Лаурак. Но это оставалось правдой и для времен последних преследований, для начала XIV века.

Кроме того, на практике, перед тем, как начать думать о возможном достижении целомудренной и святой жизни в катарских орденах, верующие – мужчины и женщины окситанских бургад женились, плодились и размножались так же, как и их соседи, верные Римской Церкви. На первый взгляд, это может показаться удивительным, поскольку известно, что Добрые Люди противостояли браку: но то, от чего они отказывались на самом деле, так это от сакрализации телесного акта, что с их точки зрения, было возмутительно. Придание браку статуса христианского таинства было для них явным искажением Писаний – единственный истинный брак имел духовную природу. Послушаем Добрых Людей Пейре и Жаума Отье:

«Они говорили также, что брак, о котором говорится в Евангелии... Церковь Римская практикует через притворство и фальсификацию, а не согласно Слову Божьему. На самом деле... это в раю Бог установил брак, и этот брак является союзом души и духа, участвовать в котором можно только в спиритуальном смысле, а не с помощью тел из плоти... Ибо в раю никогда не было преходящих тел, а только то, что чисто и полностью духовно, и Бог установил этот брак для тех душ, которые пали с неба несознательно или из-за гордыни, чтобы они могли в этом мире, посредством этого брака Святого Духа, то есть путем добрых дел и воздержания от грехов, вернуться к истинной жизни, чтобы «двое были одной плотью», как мы можем прочесть в Евангелии.» (Реестр Инквизиции Жоффри д'Абли, 1308-1309).

Таким образом, для катаров, *consolament* представлял собой истинный брак – между Духом-Утешителем и душой. Что касается матримониального таинства, установленного папством, то они безжалостно обличали его фальшь:

«Но то, что практикуется в Церкви Римской, как они говорили, осуществляется через совокупление двух различных тел, и они вовсе не представляют собой «двоих в одной плоти», но мужское и женское тела по отдельности.» (In *ibid.*)

Это абсолютно не означает того, что катарские верующие жили в воздержании. Брак, который они практиковали, был социальным союзом, а не таинством, ячейкой средневекового окситанского общества, как и любого другого. В принципе, катарская Церковь не вмешивалась в эту сферу жизни своих верующих. Однако, при этом можно наблюдать многочисленные и достаточно интересные феномены.

Прежде всего, поскольку брак не нес в себе ничего священного в катарском контексте, то кажется, что практика союзов по любви здесь была распространена больше, чем в других местах. Показания выживших в Монсегоре перед Инквизицией (1244), к примеру – причем, это пример не единственный, позволяют нам увидеть существование спутниц, называемых *ихог amasia* (жена-любовница), или даже просто *amasia*. Можем ли мы думать о более или менее молчаливом поощрении союзов, основанных на любви, а не только на интересе семейных кланов? Играл ли здесь какую-либо роль контекст *fin'amor* трубадуров?

Конечно, нельзя отрицать, что некоторые верующие не преминули обратить эту двусмысленность в свою пользу, и, учитывая безразличие своих пастырей к матримониальной области, соблазнять красавиц. Как хорошо известный Пейре Клерг, священник Монтаю в первые годы XIV века, полностью впитавший катарскую традицию своей семьи...

Но, вопреки этой логике, кажется, что последние Добрые Люди имели тенденцию «женить» свою паству между собой. Во времена инквизиторской опасности это имело значительный эффект, чтобы не дать волку-доносчику пробраться в овчарню. Мы видим, что подпольщики поощряли молодых верующих жениться между собой по тому принципу, что «лучше посадить перед своими воротами добрую смокву, чем зловую колючку». Добрые Люди «заключали» браки и влияли на семейную жизнь верующих советами, к которым прислушивались, иногда даже непосредственно свидетельствуя обоюдное согласие жениха и невесты – но без всякой сакрализации церемонии. Пейре Маури рассказывает инквизитору Жаку Фурнье о том, как на рождество 1319 года Добрый Человек Гийом Белибаст женил его на катарский манер на верующей Раймонде Марти, сказав им просто, чтобы тот и другая обменялись взаимными обещаниями, а затем сдержанно заключив: «Можно сказать, что вы уже женаты»...

Пары таких верующих, на которых можно было с уверенностью рассчитывать, объединенных подобными браками, включающими телесное общение, играли очень важную роль в подпольной сети, отводя своей демонстративной супружеской жизнью всякие подозрения в еретическом целомудрии, в то время, как в таких домах тайно прятались еретические монахи. Но подобная практика, можно сказать, погубила последнего из Добрых Людей, Гийома Белибаста.

Вместо заключения: случай Гийома Белибаста

Берругете. Чудо с книгой

Разумеется, соблюдение обета целомудрия требовало определенных усилий от всех – и от Доброго Человека Гийома Белибаста, и от Доброго Человека Пейре Отье. Однако, бывший нотариус из Акса вступил на дорогу религиозного обращения между 50 и 60 годами, в возрасте, когда ему было относительно легко отказаться от всяческой телесной роскоши. Гийом, бывший пастух из Кубьер, присоединился к подпольной Церкви почти случайно, в расцвете юности. В ужасные 1309-1310 годы, когда в Каркассоне и Тулузе сожгли почти всех его товарищей, он бежал по другую сторону Пиренеев, поселившись вместе с маленькой общиной окситанских верующих, тоже бежавших от Инквизиции.

Чтобы обвести вокруг пальца арагонскую Инквизицию - поскольку он взял на себя ответственность за подпольные проповеди и служение для верующих – Гийом жил в городе Морелья под видом честного ремесленника. Он поддерживал такую репутацию, демонстрируя свой «брак» с верующей Раймондой Марти, растившую дочь, рожденную на родине. Верующие гордились своим Добрым Человеком, так хорошо игравшим эту роль, и даже делившим одну комнату со своей спутницей и даже, когда путешествие обязывало их спать в одной комнате в корчме, ночевать в одной постели одетыми, чтобы избежать контакта обнаженных тел. По крайней мере, таковым был

теоретический принцип подобного сожительства. Но реальность была более сложной. Гийом Белибаст не мог постоянно сопротивляться телесному искушению, неоднократно уступая ему с Раймондой. Но он не смирился с этим и не махнул на все рукой.

Этот невезучий Добрый Человек, тем не менее, был монахом великой веры. Ведь ничто не мешало ему вернуться в мир и открыто жить с Раймондой, однако он не желал расставаться со своими обетами: дважды он проходил покаяние, и вновь был посвящен, примирившись со своей обескровленной Церковью, другим Добрым Человеком в изгнании, престарелым иерархом Раймондом из Тулузы. И, очищенный, он продолжал свое апостольское служение. Но зимой 1316-1317 года умер Добрый Человек Раймонд, и Гийом остался один из своего ордена. Последний из Добрых Людей. Но до самого конца он все же надеялся, что не последний. Весной 1321 года, после того, как он вновь нарушил в объятиях Раймонды обет целомудрия – и даже сделал ей ребенка, отцовство над которым взял на себя его друг пастух Пейре Маури – он отправился в безумное путешествие в пиренейское графство Дю Палларс, вслед за молодым человеком с хорошо подвешенным языком, который обещал привести его к двум другим Добрым Людям, чудом избежавшим преследований и скрывающимся. Увы, молодой человек служил на побегушках у Инквизиции. Его красивые слова служили ширмой для того, чтобы подороже продать Гийома Белибаста. Его арестовали в Тирвии, а потом передали каркассонской Инквизиции. Под конец лета инквизитор передал его в руки светской власти, архиепископу Нарбонскому, который сжег его возле своего замка в Виллеруж-Терменез.

Перед тем, как умереть в огне, Гийом Белибаст знал, что он уж больше не Добрый Человек, поскольку нарушил свои обеты. Но он не отрекся. Наоборот, любовник Раймонды проповедовал как достойный Добрый Человек, как последний из Добрых Людей – проповедовал фальшивому верующему, который предал его – что его не заботит, что станет с его телом, поскольку Богу не нужно ничего от этого мира, и что он надеется на свет Царствия: «...[моя] душа поднимется к Отцу Небесному, где короны и троны уготованы нам, и сорок восемь ангелов в золотых коронах, украшенных драгоценными камнями, придут [за мной], чтобы отвести меня к Отцу...» (Реестр Жака Фурнье). Возможно, Гийом Белибаст считал, что верой заслужил прощенье Божье.

Подводя итоги, можно сказать, что средневековый катаризм достаточно удачно балансировал между ангелизмом его клира и человеческим прагматизмом его верующих, овец, заблудившихся в ущельях мира сего, но уже вдохновленных светом. Они никогда не смешивали Бога с порывами «тел из глины», всегда рвущихся то к любви, то к войне. Они всегда проповедовали против насилия, но толерантно относились – как к чему-то, что угаснет и будет превзойдено – к сексуальному воспроизводству телесных темниц, как к неизбежному и трудному пути всеобщего искупления падших ангелов, стремящихся по дороге к Царствию.

Так неужели же это до такой степени угрожало христианскому обществу?

источник: <http://www.evangelie-et-liberte.net/elements/numeros/218/article8.html>